

В глазах Се Юня промелькнула жестокость. Рука, сдерживавшая Мин Чунъяня, не дрогнула ни на йоту, а другая уже потянулась к его затылку.

Но Мин Чунъянь, словно имея глаза на затылке, в тот миг, когда пальцы Се Юня почти коснулись хрупкой шейной кости, вдруг запрокинул голову и громко закричал:

— Нет-нет-нет! Остановись!

Одновременно он, подобно вьюну, выскользнул, и всё его тело в мгновение ока превратилось в мираж. Се Юнь лишь почувствовал, как рука пустует. Присмотревшись, он увидел, что Мин Чунъянь уже материализовался на расстоянии более чжана!

— Начальник, пощади!

Мин Чунъянь пошатнулся, прежде чем устоять, поспешно поправил покосившуюся высокую шапку даоса. Вид его был весьма жалким, но уголки губ, изогнутые в улыбке, выдавали лукавство:

— Этот недостойный действительно пришёл лишь навестить больного, искренность моя очевидна, как небо и земля! Начальник Се — такая красавица, к чему прибегать к убийствам и разбою?

Этот даос только что внезапно исчез и появился, что действительно наводило на мысли о непостижимости духов и призраков. Дань Чао смотрел, и это не походило на обманчивый фокус — но Се Юнь не проявил никакой реакции, даже на развязность в словах Мин Чунъяня.

Он лишь прищурился, разглядывая даоса некоторое время, взгляд его был задумчивым. Спустя долгий момент он наконец произнёс:

— Так ли? Раз осмотрели — можете выкатываться. Не нужно пускать в ход руки и ноги.

Мин Чунъянь с искренностью в голосе сказал:

— Этот недостойный принёс также подарок для больного...

— Забирай.

— Разве начальник Се не желает знать, каковы на самом деле планы старшего мастера Инь по возвращению?

В тёмном уголке балки Дань Чао затаил дыхание.

Уголки губ Се Юня, опущенные вниз, наконец слегка приподнялись, но это была крайне тонкая усмешка:

— Как так? Разве ты не союзник Инь Кайяна?

— Я всего лишь даос, особо интересующийся четырьмя святыми кланами, — Мин Чунъянь поправил полы одежды, сел на пол со скрещёнными ногами и грациозно помахал себе веером, улыбаясь. — Печать Лазурного Дракона и Печать Феникса поколениями истребляли друг друга, почти достигнув степени уничтожения кланов. В наше время увидеть такого иньтяньцина, как вы, начальник, — уже удача. Поэтому я и не отстаю, прошу начальника тысячекратно меня не винить.

Этот человек умудрился сказать «не отстаю» с такой уверенностью — тоже талант.

Се Юнь равнодушно произнёс:

— Но таких даосов, как ты, я повидал немало, а тех, что превратились в трупы, и вовсе не счесть. Раз уж ты гадатель, не гадай о судьбах других, лучше скажи, сколько тебе самому осталось жить?

Мин Чунъянь прищурил глаза:

— Познавший небесную судьбу не может гадать о себе, но я уверен, что проживу дольше, чем вы, начальник Се.

Се Юнь холодно уставился на него.

— В Поместье Ковки Мечей, чтобы справиться с Цзин Лином из Врат Духов и Призраков, начальник Се принудительно активировал печать, изначально уже находясь в самом ослабленном состоянии, а теперь ещё и получил удар в грудь от старшего мастера Иня, — взгляд Мин Чунъяня скользнул по груди Се Юня, и он безмятежно усмехнулся. — Если начальник Се будет продолжать так истощать себя, то не придётся даже ждать, пока золотой дракон займёт своё место. Максимум через год-два вы умрёте от истощения... Но прожить год-два у меня, надеюсь, вполне получится, не так ли?

Се Юнь ещё не успел ответить, как сердце Дань Чао на балке вдруг похолодело.

В Поместье Ковки Мечей, чтобы справиться с Цзин Лином, принудительно активировал печать?

Получил удар в сердце от Инь Кайяна?

Когда это произошло?!

Мысли Дань Чао метались, и внезапно ему в голову пришла догадка, в душе промелькнуло нечто невообразимое: неужели три дня назад...

Поза Се Юня, сидевшего со скрещёнными ногами, изменилась. Он поднял правое колено, оперся на локоть, переплёл длинные пальцы и слегка приподнял подбородок, разглядывая Мин Чунъяня.

Эта поза делала его беспечным и одновременно невероятно опасным, с оттенком высокомерия. Будь на его месте другой, такой вид легко вызвал бы неприязнь, но когда так поступал Се Юнь, в этом была завораживающая, властная притягательность.

— ...Говорят, мужчины с Печатью Лазурного Дракона красивы, а женщины с Печатью Феникса прелестны. Слова эти, оказывается, неложны, — Мин Чунъянь помахал персиковым веером и с видом знатока вздохнул. — Жаль, красота красотой, но красавица эта зарится на жизнь недостойного, увы...

— Если ты издашь ещё один непристойный звук, — невозмутимо произнёс Се Юнь, — то у тебя не останется надежды прожить даже эти день-два.

Мин Чунъянь снова вздохнул:

— Но если этот недостойный умрёт, то кто же преподнесёт начальнику Се истинные

намерения старшего мастера Иня в качестве подарка для больного?

Манера речи этого даоса всегда была туманной, но на сей раз, к удивлению, он выразился весьма прямо — вероятно, опасаясь Се Юня, того, кто при первом же несогласии пускает в ход руки. У даоса тоже лишь одна жизнь.

Се Юнь это понял, но не подал вида:

— Что же на самом деле задумал Инь Кайян?

Мин Чунъянь, как и следовало ожидать, больше не отпускал колкостей. Щёлкнув, сложил веер и принял позу для задушевной беседы:

— Как вы думаете, начальник Се, что в этом мире является величайшей властью?

Се Юнь ответил:

— На дворцовых ступенях — Девятипятый владыка.

— Но Девятипятый владыка на ступенях трона наследует небесную судьбу, и лишь один из десятков тысяч может им стать. А если не родился в семье императора, то что тогда?

В сельской глуши, в реках и озёрах мира боевых искусств тоже всегда был свой Девятипятый владыка, — Мин Чунъянь, словно прочитав мысли Се Юня, ткнул пальцем в воздух и усмехнулся. — Именно так. Это и есть глава союза боевых искусств, тот, кто может приказывать множеству героев, и никто не посмеет ослушаться.

Услышав эти восемь иероглифов — «приказывать множеству героев, никто не посмеет ослушаться» — Се Юнь тут же фыркнул:

— Инь Кайян хочет стать главой союза? Не говоря уже о том, признают ли его основные праведные школы, сама должность главы союза боевых искусств не обладает реальной властью. Откуда же взяться титулу верховного владыки?

Мин Чунъянь задал встречный вопрос:

— А если это властитель мира боевых искусств?

В зале воцарилась тишина. Неподальёку выражение лица Се Юня было неразличимо, большая часть его скрывалась в холодном полумраке.

Дань Чао сделал своё дыхание очень лёгким, почти неслышным. Спустя долгий момент он услышал, как Се Юнь тихо выдохнул три слова:

— Невозможно.

— Старший мастер Инь совершил многое, что другие считали невозможным. Какими бы методами он ни пользовался, в конце концов он добивался успеха, — Мин Чунъянь усмехнулся.
— Почему вы, начальник Се, считаете, что на этот раз у него не получится?

Судя по выражению лица Се Юня, он вовсе не собирался оспаривать предыдущую фразу, лишь покачал головой в ответ на последнюю:

— Восемь гор праведных школ, четыре великих врат, предки и знаменитости — их словно

облака! Если только Инь Кайян не перебьёт всех этих людей, как же школы мира боевых искусств станут слушаться его приказов? О каком тогда владыке может идти речь!

Но Мин Чунъянь тут же задал ещё один встречный вопрос:

— А почему нельзя убить?

Если мгновением ранее в зале царил лишь тишина, то теперь наступила почти гробовая мёртвая тишина, даже воздух словно замёрз в одно мгновение.

Холодные, как стекло, безразличные зрачки Се Юня даже не дрогнули, пристально уставившись на Мин Чунъяня. Половина лица даоса скрывалась за персиковым веером, но видимый глаз выражал невинность и уверенность, без малейшего уклонения.

Наконец Се Юнь заговорил, медленно произнеся:

— Что же он на самом деле задумал?

На лице Мин Чунъяня появилось выражение, смесь хитрости и самодовольства. Он поднял руку и поманил, предлагая Се Юню склониться, чтобы сказать на ухо — но Се Юнь безучастно сидел, не проявляя ни малейшего намерения подняться.

Мин Чунъяню пришлось с покорным вздохом потерпеть неудачу. Он переместился на пару дюймов поближе, прильнул к уху Се Юня и прошептал:

— После того как турнир боевых искусств в Поместье Ковки Мечей был прерван, несколько великих врат решили собраться на горе Тайшань, чтобы провести новый турнир. Сроки как раз совпадают с церемонией фэншань...

— Поэтому старший мастер Инь поспешил на аудиенцию к императору и, используя исторический пример, когда Первый император конфисковал оружие, чтобы отлить золотых людей, выдвинул одно предложение...

Дань Чао внезапно рявкнул:

— Осторожно!

Этот крик прозвучал подобно взрыву на ровном месте. Се Юнь резко взглянул вверх и увидел, как Дань Чао стремительно спрыгнул вниз, в воздухе выхватывая меч из ножен. Не теряя ни мгновения, он сверху вниз рассек не успевшего среагировать Мин Чунъяня пополам!

Хлюп!

Две половинки тела Мин Чунъяня грациозно откинулись назад и внезапно превратились в стаю чёрных птиц, захлопавших крыльями. Они пронеслись через зал и взмыли к балкам!

Все перемены произошли в мгновение ока. Дань Чао с грохотом приземлился и встал.

Он увидел, как чёрные птицы, кружась вокруг неясного силуэта на балке, обступили его. Из стаи донёлся смех Мин Чунъяня, прерывающийся кашлем:

— Я... я знал, что всё не так просто, я проявил небрежность, кх-кх-кх...

В голосе даоса Мин Чунъяня звучала боль — видимо, тот сокрушительный удар мечом Цисин

Лунъюань нанёс ему немалый урон. Дань Чао, не успев объясниться с Се Юнем, сурово спросил:

— Что ты задумал?

<http://bllate.org/book/15578/1387308>